

нефть и газ

«Компании инвестируют сегодня в то, что легче всего монетизировать»

Мировая нефтегазовая отрасль проходит через новый этап развития на фоне глобального кризиса и падения цен на сырье. „Ъ“ обсудил с **Григорием Выгоном**, создателем и главой независимого отраслевого консультанта по вопросам развития ТЭКа Vygon Consulting, возможные сценарии развития сектора, возможные изменения в российской налоговой системе и перспективы возобновляемой энергетики.

— интервью —

— **Какое воздействие оказали низкие цены на сырье на российскую нефтегазовую промышленность?**

— В первую очередь они повлияли на экономику переработки. Таможённая субсидия, то есть разница между пошлинами на нефть и нефтепродукты, снизилась с порядка \$16 за баррель в 2014 году до \$6 в 2015 году и \$4,3 в 2016 году. Раньше она компенсировала логистическое отставание российских заводов и позволяла им получать более высокую маржу, чем европейским, несмотря на худшую конфигурацию и, как следствие, меньший выход светлых нефтепродуктов. Снижение цен на нефть и сокращение таможенной субсидии привели к тому, что маржа ряда российских заводов стала отрицательной. А объемы первичной переработки в 2015 году упали на 7 млн тонн впервые за последние 15 лет. В текущем году мы ожидаем дальнейшее снижение переработки примерно до 274 млн тонн.

Девальвация рубля в значительной степени компенсировала снижение цен на нефть. Кроме того, особенности нашей налоговой системы нивелируют неблагоприятные изменения внешней конъюнктуры. В результате российские нефтяные компании фактически мало зависят от мировых цен на нефть (без учета внешних валютных заимствований). В краткосрочной перспективе денежно-кредитная политика ЦБ окажет гораздо большее влияние на эффективность добычных проектов, чем налоговая система.

— **Какие вы прогнозируете объемы нефтедобычи в России? Смогут ли компании удержать текущий уровень?**

— Мы считаем, что в этом году она вырастет примерно на 11 млн тонн по сравнению с 2015 годом — до 545 млн тонн нефти с газовым конденсатом. В следующем году приток также будет измеряться двузначными цифрами. Связано это в первую очередь с тем, что большое количество новых проектов будет выходить на проектную мощность. Среди них: Мессоякское месторождение («Газпром нефть»), имени Филановского (ЛУКОЙЛ), Северо-Рогожинское («Сургутнефтегаз»), Сузунское и Наульское («Роснефть») и т. д. Если в прошлом году основной приток добычи был обеспечен конденсатом, то сейчас это нефтяные greenfield с растущей добычей в 2015–2017 годах. Среди них: Приразломное и Новопортовское («Газпром нефть»), имени Трещина и Титова («Башнефть») в партнерстве с ЛУКОЙЛОМ, Имилорское (ЛУКОЙЛ), Лабаганское и Среднеботуобинское («Роснефть»), Ярудейское (НОВАТЭК) и активы Иркутской нефтяной компании.

Уже после 2019–2020 годов удержать добычу на таких рекордных уровнях будет крайне сложно, если компании, как минимум, не восстановят или не увеличат объемы геологоразведочных работ (ГРП). Сейчас из-за кризиса первое, что нефтяники сделали, — сократили расходы на ГРП. Кроме того, после 2020 года динамику добычи будут определять темпы освоения трудноизвлекаемых запасов. Если производители разрабатывают и внедряют экономически эффективные технологии добычи на тюменской, баженновской, доманиковой свиты, низкопроницаемых коллекторах, тогда добычу можно удержать.

Но для того, чтобы компании инвестировали в геологоразведку и ГРП, нужно создавать стимулы, в том числе экономические. Для геологоразведки это введение вычетов расходов на ГРП из налоговой базы по налогам на прибыль. По ГРПЗ помимо налоговых стимулов можно применить технологические полигоны. Это территории, на которых группы компаний будут отрабатывать технологии, обмениваться геологической информацией. Мы как раз работаем над их концепцией.

Сегодня, к сожалению, темпы развития технологий невысоки. Это связано и с санкциями, и с определенной технологической отсталостью.

Что касается первичной нефтепереработки, то сами объемы неважны. За последние 15 лет нарастили мощности переработки более чем на 100 млн тонн. Все эти дополнительные объемы уходят на экспорт, а для внутреннего рынка основной проблемой раньше был риск возникновения дефицита бензина. Но сегодня потребление бензина падает, а компании проводят модернизацию своих нефтеперерабатывающих заводов. В результате они выпускают больше светлых нефтепродуктов, в том числе бензина 5-го класса, поэтому проблема его дефицита не стоит.

Но возникла проблема со сбытом наших нефтепродуктов на внешних рынках. Те объемы качественного дизельного топлива, которые сегодня Россия производит и которые будут увеличиваться, на европейском рынке конкурируют с нефтепродуктами европейских и ближневосточных заводов. Это уже привело к тому, что дизтопливо начало дешеветь, а это приводит к снижению маржи переработки. Поэтому сейчас нужно думать о том, каким образом решать проблему сбыта и компенсировать негативный эффект перепроизводства.

— **Как это перепроизводство отражается на ценах на мировом рынке? Влияет ли увеличение российских поставок на ситуацию?**

— На мировом рынке нефти мы никак не влияем на цены. В первую очередь это влияние оказывали и будут оказывать в среднесрочной и, возможно, долгосрочной перспективе американцы, поскольку они, по сути, полностью изменили принципы реагирования нефтянки на изменения ценовой конъюнктуры. Естественно, ОПЕК по-прежнему может влиять на рынок, поскольку производители могут легко и не принужденно залить его нефтью. Сегодня мы как раз наблюдаем рекордный профицит, когда избыток в коммерческих запасах превышает 3 млрд баррелей. Мы со своими относительно небольшими приростами в добыче на рынке не заметны.

Но по нефтепродуктам на локальном европейском рынке наше перепроизводство привело к тому, что цены на дизтопливо и маржа НПЗ стали снижаться. После завершения налогового маневра или, по крайней мере, когда будет введена 100% пошлина на темные нефтепродукты, объемы переработки упадут прежде всего у простых заводов (с простыми технологическими процессами). — „Ъ“. Однако это мало скажется на объемах товарной продукции: бензин и дизель класса 5 эти заводы просто не выпускают. Поэтому снижение объемов переработки в России не приведет к уменьшению давления на цены в Европе.

— **Сейчас много говорят о недостатке капиталовложений в нефтегазовую отрасль. Может ли это стать проблемой?**

БИОГРАФИЯ

Григорий Выгон родился 16 мая 1973 года в Москве. В 1996 году с отличием окончил Московский физико-технический институт, в 2000 году — аспирантуру ЦЭМИ РАН. Кандидат экономических наук. В 2006–2008 годах являлся главным экономистом ТНК-ВР, где отвечал за стратегическое планирование и аналитическую поддержку взаимодействия с органами государственной власти. До прихода в ТНК-ВР работал независимым консультантом, а также директором департамента корпоративных финансов Института финансовых исследований. До создания Энергетического центра с 2008 года

ПОДРОБНЕЕ О КОМПАНИИ

Vygon Consulting — независимый национальный отраслевой консультант по вопросам развития ТЭК России. Основные направления деятельности компании включают: стратегический консалтинг для компаний, аналитическую поддержку деятельности органов государственной власти, исследования в сфере ТЭКа. Vygon Consulting специализируется на вопросах совершенствования систем налогообложения и недопользования. На базе построенных моделей добычи, переработки и потребления углеводородов строятся сценарии развития нефтегазовой отрасли в зависимости от внешних условий и вариантов системы регулирования, разрабатываются предложения по ее

© ИМАГЕТА

— В объемном выражении инвестиции у нас достаточно приличные. Да, мы недофинансируем геологоразведку последние пару лет, но компании инвестируют в то, что приносит им относительно более высокую и быструю прибыль. Есть давно открытые месторождения, их подготовили, подключают к трубе, обустройства и вводят в разработку. Ровно это сейчас и происходит. Другое дело, компании инвестируют сегодня в то, что легче всего монетизировать. Доля трудноизвлекаемых запасов увеличивается, а в развитии технологий наши ВИНК вкладывают менее охотно, потому что это длительные инвестиции, отдача неизвестно, когда наступит. Эта ситуация усугубляется тем, что наши компании обеспечены доказанными запасами, доставшимися им от Советского Союза, на 20–30 лет вперед. В результате, несмотря на одну из самых жестких налоговых систем в мире, на которую нефтяники постоянно жалуются, мы смогли увеличить добычу с менее чем 300 млн тонн в кризисные 90-е годы XX века до фактически советского рекорда, который мы, скорее всего, побьем в 2018 году.

— **Вы являетесь сторонником приватизации государственных долей в нефтяных компаниях?**

— Я являюсь сторонником уменьшения роли государства во всем: начиная от управления отраслью и заканчивая долей госкомпаний на внутреннем рынке. Можно говорить о том, что нам нужны национальные чемпионы, которые будут конкурентоспособны по сравнению с глобальными игроками по всему миру. Это могут быть государственные или частные компании. Но на внутреннем рынке роль госкомпаний должна снижаться.

— **Можно ли в текущих условиях разработать адекватную стратегию развития нефтяной отрасли в стране?**

— Не только можно, именно в этих кризисных условиях и нужна стратегия. Когда все хорошо, ничего не нужно предпринимать, просто плывешь по течению, инвестируешь, собираешь налоги в бюджет — все и так хорошо. Сегодня в стратегии нефтегазовой или энергетической должна быть конкретика и точные сценарии. Понимаете, если все вернется в то, что цены на нефть будут высокими, поднимутся до \$100 за баррель или выше, тогда не нужна стратегия, тогда надо тратить колоссальные деньги на шельф, на

приобретения активов по всему миру без учета их эффективности.

— **Каковы главные результаты налогового маневра для российских upstream и downstream?**

— Налоговый маневр по большому счету до сих пор никакого заметного влияния на отрасль не оказал. Вообще, пора заканчивать спекуляции на эту тему. Если посмотреть на относительный эффект снижения цен на переработку или девальвации рубля на добычу, то, конечно, эти эффекты имеют гораздо большее значение, чем налоговый маневр. Его влияние просто незаметно на фоне этих тектонических изменений.

Другое дело, что налоговый маневр продолжается и его нужно будет когда-то закончить. Под завершением налогового маневра все понимают отмену экспортных пошлин. Здесь два ключевых вопроса. Первый: в какие сроки нужно отказаться от экспортных пошлин. Были предложения завершить налоговый маневр в 2018 году — я думаю, что это нереально и нецелесообразно. Потому что в первую очередь от налогового маневра страдает переработка в сегодняшней ее конфигурации. Если бюджет обнулена таможенная субсидия, многие, даже прошедшие модернизацию заводы попадут в достаточно сложное положение, не говоря о тех, кто сегодня инвестирует в развитие. Для последних надо будет придумать механизмы компенсации — это, собственно, и есть второй вопрос. Причем механизмы компенсации должны касаться не только переработчиков, но и потребителей, потому что компании будут стараться перекладывать свои проблемы на потребителей через цены на нефтепродукты.

Предшественники маневры уже показали, что есть ряд инструментов вплоть до таких экзотических, как отрицательные акцизы, которыми можно сгладить негативные эффекты. Но у них тоже есть свои недостатки, поэтому обязательно завершение налогового маневра нужно просчитать. Я думаю, этим мы как раз и займемся в следующем году. Чтобы, не дай бог, в 2018 году люди не проснулись и не оказались в ситуации, что пошлин нет.

— **В последнее время обсуждалось введение НДС. Удалось ли российским министерствам прийти к согласию?**

— Минфин в соответствии с поручениями правительства предложил концепцию НДС. На наш взгляд,

вопне себе разумная концепция: в ней предусмотрены стимулы для высокозатратных и низкоэффективных браунфилдов. Она работает и для гринфилдов. Понятно, что с восприятием этой концепции есть сложности. Компании любые налоговые изменения, особенно те, которые они сами инициируют, рассматривают как льготы. Для них НДС — это дополнительная льгота, особенно в части, касающейся браунфилдов. Поэтому нефтяники стремятся расширить объем добычи, который может подпасть под налоговый эксперимент, каждая компания бьется за свою долю в нем.

История с НДС достаточно наглядно показала, что этот механизм пока отрасль не воспринимает как системное решение в отношении будущей конфигурации налогового режима. Ясно, что для всех браунфилдов НДС ввести будет невозможно. То есть в перспективе этот налог хорош для отдельных маржинальных проектов. Однако полноценным системным решением НДС может стать, если его ввести в обязательном порядке для всех гринфилдов. А этого компании категорически не хотят, потому что для значительной части объектов сегодня есть такой удобный механизм, как льготы по экспортной пошлине. У него есть ряд недостатков с точки зрения Минфина и государства в целом. Он непрозрачен, государство не понимает эффективности проектов, которым дает льготы, зачастую предоставляющиеся автоматически, без какой-либо экспертизы.

В общем-то Минфин абсолютно прав в том, что этот механизм нужно закрывать и вместо него вводить НДС. Как только об этом зашла речь, стало ясно, что НДС как налог, ориентированный на сбор ренты, оказывается для бюджета более выгоден, чем существующая система с лоскутным одеялом льгот. А для компаний он может оказаться менее выгоден, чем НДС, поскольку для низкозатратных проектов введение НДС подразумевает увеличение налоговой нагрузки. И здесь надо найти компромиссный вариант, поскольку введение НДС не должно ухудшить экономику действующих проектов.

— **Как вы оцениваете перспективы развития возобновляемых источников энергии?**

— Если еще лет пять назад люди думали, что ВИЭ — это не то, что дань моде, это просто попытка стран-потребителей снизить свою энергетическую зависимость от арабского мира и России. Снижение за счет возобновляемых источников происходило за счет того, что потребители оплачивали новую генерацию возобновляемых источников через различные механизмы субсидирования. Сегодня за счет технологического прогресса, за счет снижения затрат, повышения эффективности солнечной, ветровой генерации эти виды производства электроэнергии стали конкурентоспособными и без субсидий. В ряде стран, не везде, но уже так называемая полная приведенная стоимость затрат производства электроэнергии (levelized cost of electricity) для ВИЭ снизилась до уровня традиционной генерации и даже ниже текущей стоимости электроэнергии.

Неслучайно объемы строительства мощностей на возобновляемых источниках сегодня превышают объемы строительства традицион-

ной генерации. В прошлом году по всему миру было введено порядка 120 ГВт мощностей на ВИЭ. Эти объемы ежегодно увеличиваются, во многом благодаря Китаю. Со временем стоимость новой генерации будет снижаться, и она уже ниже, чем цена электроэнергии при подключении к сетям. Поэтому я думаю, что за ВИЭ будущее.

— **Есть ли перспективы для возобновляемой энергетики в РФ?**

— В свое время генерирующие компании ожидали, что спрос на электроэнергию будет расти по 4% в год, и запустили множество проектов. Но сегодня объемы генерации избыточны. Другое дело, что есть неценовые зоны, не подключенные к сетям, удаленные регионы (Восточная Сибирь, Дальний Восток), и там как раз может быть гораздо выгоднее реализовывать проекты на ВИЭ, чем заниматься традиционной газификацией и строить станции на газу или на угле. Собственно, это и происходит и в Якутии, и на Камчатке: уже запущено несколько ветряных и солнечных электростанций, целый ряд таких проектов реализуется. Это как раз та самая ниша в нашей нефтегазовой стране с избыточными мощностями электрогенерации, которую ВИЭ может себе найти. Но, конечно, эта ниша все-таки невелика.

Планировалось, что в 2020 году в России будет построено 6 ГВт мощностей на ВИЭ, сейчас этот срок сдвинули на 2024 год. Да и не факт, что в 2024 году этот показатель будет достигнут. Поэтому ВИЭ для России, по крайней мере для руководителей, которые курируют соответствующие направления, — это пока экзотика.

— **Чем занимается Vygon Consulting?**

— Мы активно занимаемся и альтернативной энергетикой, вопросами налогообложения, прогнозами потребления нефтепродуктов, рынком газа. Без понимания глобальных тенденций, вызовов, которые стоят перед отраслью, трудно написать содержательную Энергостратегию и принимать инвестиционные и регуляторные решения. Наша компания, по сути, пытается выстроить мост в диалог бизнеса и власти. Мы принимаем активное участие в разработке и обсуждении Энергостратегии, газовой и нефтяной Генплана, недавно начали работу над стратегией воспроизводства минерально-сырьевой базы России. Достаточно активно участвуем в налоговых инициативах. В последнее время мы разрабатывали параметры налоговых маневров и концепции НДС. При этом мы помогаем, с одной стороны, Минфину России, отвечаящему за доходы федерального бюджета. С другой стороны, нашим нефтегазовым компаниям, поскольку все заинтересованы в том, чтобы инвестиционная привлекательность отрасли сохранялась.

Также мы разрабатывали различные инструменты экологического стимулирования, например известное постановление о плате за выбросы при сжигании попутного нефтяного газа (ПНГ). Предложенный нами механизм вычетов расходов на утилизацию из платы за выбросы оказался очень эффективным. С его введением объем сжигания ПНГ снизился с 25% в 2011 году до 11% к концу 2015 года. Другим целевым инструментом, который мы предложили, является вычет расходов на геологоразведочные работы с повышающим коэффициентом из базы для налога на прибыль. Мы надеемся, что он будет введен в 2017 году и поможет привлечь дополнительные деньги в геологоразведку.

Введение экономической части в новую российскую классификацию запасов с 2016 года — это тоже наша совместная работа с Минприроды России. В результате это не только позволит гармонизировать НКЗ с PRMS, но и дать государству эффективный инструмент управления использованием недр.

— **Могут ли такие исследования влиять на принимаемые решения?**

— Как говорится, вода камень точит: не мы одни пишем на эти темы. Мы, по сути, пытаемся оценить то, что произойдет в среднесрочной и долгосрочной перспективе с учетом того, что мир меняется, и очень быстро. У больших руководителей не хватает времени, чтобы подсчитать, что на самом деле происходит. Я уверен, что такого рода аналитика очень нужна.

Интервью взяла Мария Кузузова